

18+

*КРИСТИН ЭВАНС*

**АЗИАТСКИЙ**

**ОТПУСК**

Кристи́н Эванс  
**Азиатский отпуск**

«Издательские решения»

**Эванс К.**

Азиатский отпуск / К. Эванс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-685877-0

Она уехала в отпуск одна, чтобы отомстить. Он остался, чтобы строить карьеру. Две измены, два предательства. Но судьба готовит жестокий удар — беременность. Кто отец — мучительная загадка. Её муж, Игорь, предлагает вернуться к прошлому. Загадочный Ким требует будущего для «своего» наследника. Нужно сделать невозможный выбор. Остаться в России с мужем-предателем? Уехать в роскошную золотую клетку? Или найти в себе силы начать всё с нуля, рискуя остаться одной?

ISBN 978-5-00-685877-0

© Эванс К.  
© Издательские решения

# Содержание

АЗИАТСКИЙ	6
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	9
ГЛАВА 3	13
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

# **Азиатский отпуск**

**Кристин Эванс**

© Кристин Эванс, 2025

ISBN 978-5-0068-5877-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

# АЗИАТСКИЙ ОТПУСК

## ГЛАВА 1

Последний солнечный зайчик, игравший на позолоте рамки с их совместной фотографией, угас, сдавшись наступающим сумеркам. В большой гостиной, пахнущей полировкой для мебели и ароматической свечой с бергамотом, царил тот самый, выверенный до мелочей порядок, который Наташа с некоторой иронией называла «фасадом благополучия». Все было на своих местах: диванные подушки, взбитые и разложенные строго по цвету, стопки глянцевого журналов на стеклянном столике, образующие идеальные прямые углы, даже пульт от телевизора лежал параллельно краю полки. Идеальная картина, достойная обложки. Картина, в которой они с Игорем были главными героями – красивой, успешной парой, чья жизнь напоминала отлаженный часовой механизм.

Но сегодня тиканье этих часов звучало для Наташи назойливо, почти угрожающе. Она стояла у панорамного окна, глядя на зажигающиеся огни вечерней Москвы, и пальцами, чуть дрожащими, тербила край шелкового халата. Сегодня был канун их долгожданного отпуска. Две недели в Азии, о которых они мечтали всю зиму. Две недели, которые должны были стереть накопившуюся усталость, вернуть то самое ощущение легкости и взаимопонимания, что понемногу стало утекать сквозь пальцы, как песок.

Она приготовила его любимое рагу. Зажгла свечи. Надела этот самый халат, который он когда-то назвал «одеждой для соблазнения». Все было готово к маленькому предотпускному празднику. Но час назад пришло сообщение: «Задерживаюсь на работе. Не жди на ужин. Вылет завтра как запланировано».

Слово «запланировано» резануло глаз своей чужеродной правильностью. Все у него было «запланировано». Их жизнь была расписана, как деловой график: пятничные ужины в ресторанах, субботние визиты к родителям, воскресный секс. И вот теперь и отпуск вписывался в этот план с холодной, деловой эффективностью. Но не это заставило ее сердце сжаться в тревожном предчувствии. Не это. А то, как именно он это написал. Без «любимая», без «прости», без смайлика. Сухо, по-деловому. Как начальник – подчиненному.

Она откинулась от окна и прошла по комнате, ее босые ноги бесшумно тонули в густом ворсе ковра. Взгляд упал на его любимое кресло, на чашку с недопитым утренним кофе, которую он, как всегда, не убрал. Обычно это раздражало ее, вызывало короткую вспышку праведного гнева. Сейчас же чашка казалась символом чего-то большего – знаком его повседневного, привычного присутствия, которое вдруг стало вызывать не раздражение, а щемящую тоску. Потому что присутствие это становилось все более призрачным.

Он физически был здесь, каждую ночь ложился рядом с ней в их большую кровать, но мыслями, чувствами, какими-то важными частицами себя – он был где-то там. На этой самой «работе», которая поглощала его все больше и больше.

Наташа вздохнула и потянулась к своему телефону. Может, написать Ане? Коллеге Игоря, милой, вечно улыбочивой девушке, которая, как она знала, работала с ним над одним проектом. Спросить, не знает ли она, когда они наконец-то отпустят Игоря? Мысль мелькнула и погасла, показавшись ей унижительной. Выглядеть как жена, которая контролирует мужа через его сотрудников? Нет уж.

Но тут ее взгляд упал на другой телефон, лежавший на зарядной станции у телевизора. Его телефон. Он ушел так стремительно утром, что, похоже, забыл его. Странно. Он никогда

не забывал свой телефон. Это был его основной рабочий инструмент, его жизнь, заключенная в холодном металлическом корпусе.

Сердце Наташи забило чаще. Она подошла ближе, как будто к чему-то запретному, опасному. Экран был темным. Она знала код. Он никогда не скрывал его от нее, это было частью их «открытости», их доверия. «У нас нет секретов друг от друга», – говорил он когда-то, и она верила.

Пальцы сами потянулись к устройству, подняли его. Оно было холодным и тяжелым. Еще мгновение борьбы с собой – и она быстрым движением ввела код-пароль: дату их свадьбы. Ирония этой цифры пронзила ее, как иголка.

Экран ожил, показав стандартные иконки приложений. Она открыла мессенджер. Первым в списке чатов была она сама – «Натусик». Далее – рабочие группы, друзья. Все как всегда. Но потом ее взгляд зацепился за одно имя. Аня. Не «Аня Коллега», не «Аня Петрова», а просто «Аня». И последнее сообщение в чате было отправлено сегодня, всего пару часов назад.

Кровь ударила в виски. Она нажала на чат.

Сообщения были обыденными, рабочими. Обсуждение графика, правки в документах, вопросы по презентации. Ничего такого. Ни одного лишнего слова. Но Наташа читала их не как набор фраз, а как музыку, пытаясь уловить скрытую мелодию, тембр. И она ее уловила.

Там, где она писала ему «Игорь, не забудь про отчет для Смирнова», он отвечал не «ок» или «понял», а «Хорошо, Анечка, разберусь». «Анечка». Ласково, почти нежно. В другом месте она спрашивала: «Ты сильно задержишься?», на что он отвечал: «Да, придется попотеть, красавица. Держи кулачки».

«Красавица». «Держи кулачки».

Он ей так никогда не писал. Его сообщения ей были сухими, информативными. «Купи молока». «Заберу из химчистки». «Встречаемся у ресторана в 20:00».

Наташа пролистала чат выше, за несколько недель, потом за месяц. Картина была той же. Деловая переписка, разбавленная вот этими «анечками», «красавицами», «умничками» и смайликами с подмигиваниями. Не было признаков флирта, признаний в любви, договоренностей о встречах. Не было прямых доказательств измены. Но было нечто, возможно, более страшное – зарождение особой близости, той самой, что возникает между мужчиной и женщиной, проводящими вместе много времени. Легкий, почти невесомый флирт, который согревает будни, делает их ярче. Того флирта, которого в их с Игорем общении не было уже очень давно.

Она опустила телефон, как раскаленный. В ушах стоял звон. Комната, еще недавно такая родная и уютная, вдруг показалась ей чужой, полной скрытых угроз. Каждая вещь, каждая фотография кричала ей о лжи. Этот идеальный порядок был обманом. Их идеальная жизнь – фасадом, за которым скрывалась труха невысказанных обид, усталости и одиночества.

Она не знала, сколько простояла так, глядя в одну точку, пока не услышала звук ключа в замке. Сердце екнуло, замерло, а затем забило с новой, бешеной силой. Она быстро положила телефон на место, смахнула предательскую слезу, наворачившуюся на глаза, и сделала глубокий вдох, пытаясь вернуть лицу спокойное, нейтральное выражение.

Игорь вошел, пахнувший холодным ночным воздухом и дорогим парфюмом. Он выглядел уставшим, но не измотанным. Его усталость была деловой, творческой, а не выжатой как лимон. Он снял пальто, бросил его на стул – еще один штрих к картине его повседневного пренебрежения их общим пространством.

«Ты еще не спишь?» – спросил он, его голос был ровным, без вины или сожаления.

«Ждала», – ответила она, и ее собственный голос прозвучал странно глухо в ее ушах.

Он прошел на кухню, она последовала за ним. Он налил себе стакан воды, выпил залпом. Мускулы на его шее напряглись. Она смотрела на него, на этого красивого, уверенного в себе мужчину, своего мужа, и впервые за долгое время видела не того человека, в которого

была когда-то влюблена, а почти что незнакомца. Привлекательного, успешного незнакомца, у которого, возможно, есть другая жизнь.

«Прости, что задержался, – сказал он, наконец, повернувшись к ней. – Этот чертов проект. Все рухнет без меня, кажется».

«Я понимаю», – сказала она. И в этот момент она поняла, что ненавидит это слово «понимаю». Она понимала его вечно. Его работу. Его усталость. Его потребность в пространстве. А понимал ли он когда-нибудь ее?

Он подошел ближе, положил руки ей на плечи. Его прикосновение, обычно такое желанное, сейчас заставило ее внутренне содрогнуться.

«Завтра улетаем. Все забудем, отдохнем. Хорошо?»

Его глаза смотрели на нее, но она читала в них не столько обещание, сколько надежду на то, что она не будет создавать сцену. Что она, как всегда, «поймет».

И тут в ней что-то перевернулось. Вся обида, все подозрения, вся накопившаяся боль превратились в странную, холодную решимость. Она не будет устраивать сцену. Она не будет рыдать и требовать ответов. Сцены – для тех, кто еще надеется что-то исправить. А она в этот момент, глядя в его прекрасные, лживые глаза, поняла, что надежда умерла. Но осталось желание. Желание доказать что-то. Ему? Себе? Она сама не знала.

«Конечно, хорошо», – прошептала она, и ее губы растянулись в подобие улыбки.

Она прильнула к нему, обняла, прижалась к его груди, чувствуя запах чужого парфюма, который, ей показалось, впитался в его одежду. И тогда она поцеловала его. Не нежно, не ласково, а жадно, почти агрессивно. Это был поцелуй-вызов. В нем не было любви, в нем была ярость, приправленная отчаянием.

Он ответил ей с удивлением, а затем с нарастающей страстью. Он, должно быть, принял это за примирение, за долгожданную разрядку. Он не знал, что для нее это было сражением.

В спальне их любовь была стремительной, молчаливой и яростной. Это была не близость. Это была схватка. Каждое прикосновение было попыткой не ласки, а обладания. Ее ногти впились в его спину не от страсти, а от желания оставить след, напомнить, что она здесь, она существует, она – его жена, черт возьми! Его губы обжигали ее кожу, но в его поцелуях она читала не любовь, а собственнический инстинкт, желание подтвердить свою власть над ней, над этой ситуацией, над их жизнью.

Он пытался «вернуть» ее, вернуть ту Наташу, которая смотрела на него влюбленными глазами и безропотно ждала его с работы. А она пыталась «вернуть» его, вырвать из той другой жизни, где его называли «красавцем» и он просил «держаться за него кулачки».

В этом безумном, почти жестоком танце они не видели друг друга. Каждый был заложником своих собственных демонов, своих обид и подозрений. Когда все закончилось, они лежали рядом, тяжело дыша, в полной темноте. Он почти сразу повернулся на бок и, судя по дыханию, погрузился в сон. Облегченный. Довольный. Он думал, что все наладил.

Наташа лежала на спине, глядя в потолок, по которому ползли отсветы фар проезжающих машин. Тело ныло, на губах был привкус соли – то ли его пота, то ли ее неслышных слез. Она чувствовала себя опустошенной и грязной. Это не было примирение. Это было саморазрушение.

Она тихо поднялась и пошла в ванную. Включила свет и подошла к зеркалу. Отражение показалось ей чужим: растрепанные волосы, размазанная помада, синяки-поцелуи на шее. И глаза. Глубокие, темные, полные чего-то нового и пугающего. Холодной ярости. Трещина. Та самая, почти невидимая трещина, что появилась сегодня вечером, прошла через ее душу и добралась до самого сердца. И она понимала – это только начало. Зеркало их жизни дало трещину, и теперь оно могло разлететься на тысячи острых осколков.

## ГЛАВА 2

Утро началось с обмана. Яркое, нагло-веселое солнце билось в оконные стекла, обещая новый день, новые впечатления, ту самую перезагрузку, о которой они так долго твердили. Наташа лежала с открытыми глазами, слушая, как Игорь двигается по спальне. Звук застегиваемого чемодана, шелест упаковываемых вещей – все это было частью ритуала, к которому она готовилась морально все эти недели. Ритуала под названием «наш отпуск».

Тело ныло приятной усталостью, напоминая о вчерашней ночи. Но в голове не было и намека на эйфорию или нежность. Была лишь тяжелая, как свинец, пустота и отчетливое, щемящее чувство стыда. Стыда за ту яростную, почти животную схватку, в которую превратилась их близость. Она прикоснулась пальцами к синяку на ключице – его поцелуй-укус. Не знак страсти, а клеймо собственности. Тег «собственность Игоря». Или, возможно, предупреждение: «Не забывай, чья ты».

Он вышел из гардеробной, уже одетый в удобные для перелета джинсы и темную футболку. Выглядел он свежим, подтянутым, почти помолодевшим. Деловая усталость с его лица словно испарилась, уступив место предвкушению. Предвкушению чего? Отпуска? Или свободы от нее, от этого дома, от необходимости играть роль примерного мужа?

«Встаешь? – спросил он бодро, подходя к кровати и садясь на край. – Самолет ждать не будет. Выезжать через час, чтобы без пробок».

Его рука потянулась к ее волосам, привычный, почти автоматический жест. Наташа едва сдержала порыв отстраниться. Его пальцы, прикоснувшиеся к ее коже, вызвали не тепло, а холодную дрожь.

«Я уже проснулась», – сказала она, и ее голос прозвучал хрипло. Она приподнялась на локтях, отводя взгляд от его слишком ясных глаз.

Именно в этот момент его телефон, лежавший на тумбочке, завибрировал, заиграл настойчивый, деловой рингтон. Не обычный звонок, а специальный – тот, что он назначил для работы. Для «важных» звонков.

Игорь вздохнул, с легким раздражением потянулся за аппаратом. «Наверняка Карпов, – пробурчал он. – Не может без меня шагу ступить. Сейчас, я быстро».

Он поднес телефон к уху, и его лицо мгновенно преобразилось. Исчезла расслабленность, появилось то самое сосредоточенное, серьезное выражение, которое она видела каждый раз, когда он погружался в свои проекты. «Да, слушаю», – сказал он голосом, лишенным всяких эмоций, кроме деловой собранности.

Наташа наблюдала за ним, и каждая клетка ее тела напряглась, как струна. Она видела, как его брови слегка поползли вверх, как губы сжались в тонкую, напряженную линию. Он встал и отошел к окну, спиной к ней.

«Понимаю, – говорил он в трубку. – Сроки горят... Да, я в курсе важности... Но мы же договаривались...»

Он помолчал, слушая что-то с другой стороны. Наташа видела, как мышцы на его спине напряглись под тканью футболки.

«Петр Иванович, – голос Игоря стал ниже, вкрадчивее, заискивающе-убеждающим. – Я ценю ваше доверие, но вы же понимаете, у меня личные планы... С женой... Отпуск... Да, я знаю, но...»

Он снова замолчал. Паузы становились все длиннее, а его поза – все более скованной. Наташа уже не дышала. Она знала. Она знала это еще до того, как он медленно, будто против своей воли, повернулся к ней. Его лицо было маской сожаления, но в глазах она прочла нечто иное. Не огорчение. Не досаду. Облегчение. Быстрое, стремительное, как вспышка, и тут же погашенное, но она его уловила.

«Хорошо, – тихо, почти сдавленно сказал он в трубку. – Я вас понял. Да, я буду. Через час в офисе. Договорились».

Он опустил руку с телефоном и сделал глубокий вдох, как человек, только что избежавший страшной опасности. Потом его взгляд медленно, с трудом поднялся на нее.

«Наташа... – он произнес ее имя с театральной, надрывной интонацией. – Любимая, ты только не расстраивайся...»

«Не летим», – произнесла она не вопросом, а констатацией. Голос ее был плоским, безжизненным.

Он развел руками в жесте беспомощности, который должен был выглядеть искренним, но казался вымученным, как плохая игра второсортного актера. «Это катастрофа, я понимаю! Сам в шоке. Этот идиот Карпов сорвал все сроки по проекту „Вектор“. Клиент приехал лично из Цюриха, и встреча может состояться только завтра, иначе все к чертям собачьим. Петр Иваныч лично просит... Умоляет! Это будущее всего нашего отдела, Наташ. Моя карьера. Я не могу сказать „нет“».

Он говорил долго и горячо, сыпля терминами, именами, названиями компаний. Он рисовал картину грандиозного провала, который случится, если он не появится в офисе сегодня. Он говорил об их общем будущем, о новой квартире, о машине, о том, как этот проект «откроет перед ними все двери». Он не смотрел ей в глаза.

А Наташа слушала и не слышала ни слова. В ее ушах стоял оглушительный гул. Перед ее внутренним взором проплывали строчки из вчерашней переписки. «Красавица». «Держи кулачки». «Анечка». И сейчас, глядя на его раздавленное, якобы полное сожаления лицо, она видела не карьериста, попавшего в ловушку обстоятельств. Она видела лжеца.

Внезапно в ее голове всплыла картина: Игорь и Аня. Не на деловой встрече, а где-то в уютном кафе. Или, может, в его кабинете. Он рассказывает ей о том, как ему пришлось отменить отпуск с надоевшей женой. Аня смеется, ее глаза блестят. «Бедный ты мой, – говорит она. – Ну ничего, мы с тобой скоротаем время веселее».

Это была всего лишь фантазия, домысел, не имеющий никаких доказательств. Но в тот момент для Наташи это стало абсолютной, неопровержимой истиной. Отмена отпуска была не трагической случайностью. Это был план. Его план. Освободить себя для нее. Для Анечки.

Вся ее натура, все ее воспитание кричало о том, что нужно понять, простить, поддержать. Включить образ идеальной жены, которая стоит горой за своего мужчину в трудную минуту. Она должна была сказать: «Я понимаю, дорогой. Конечно, работа важнее. Мы съездим в другой раз».

Но слова не шли. В горле стоял ком. Ком из обиды, унижения и черной, ядовитой ярости.

Он, видя ее молчание, принял его за шок, за глухую обиду, с которой можно будет справиться позже, подарками и обещаниями. Он подошел и попытался обнять ее. «Натусь, прости меня. Я все компенсирую. Мы уедем через неделю, две, я все улажу. Я обещаю».

Его прикосновение стало последней каплей. Она резко, почти отрывисто встала с кровати, выскользнув из его объятий. «Не надо».

«Наташа, не будь ребенком, – в его голосе прозвучали нотки раздражения. – Я же не для себя стараюсь. Это для нас!»

«Для нас? – она повернулась к нему, и, должно быть, в ее глазах было что-то такое, что заставило его отступить на шаг. – Ты уверен?»

Он замер. «Что это значит?»

«Ничего, – она отвела взгляд и пошла к ванной. – Просто ничего».

Она закрыла дверь, повернула ключ и прислонилась спиной к холодной деревянной поверхности. Сердце колотилось где-то в горле, стуча по ребрам, как отчаянный узник. Глаза были сухими. Она ждала слез – горьких, облегчающих слез обиды. Но их не было. Была только

холодная, звенящая пустота и одна-единственная мысль, которая крутилась в голове, набирая обороты, как торнадо.

Он может. Он может спокойно все отменить. Он может врать мне в глаза. Он может переписываться с какой-то Анечкой, называть ее «красавицей», а меня оставлять сидеть одной в этой золотой клетке. Он может все. А я что? Я должна сидеть и ждать? Ждать, когда он соизволит вернуться из своего «рабочего» рая? Ждать, когда он, наконец, подарит мне немного своего драгоценного внимания?

Она подошла к раковине, включила ледяную воду и умылась, пытаясь смыть с себя остатки вчерашней ночи, его прикосновений, этот вкус лжи. Она посмотрела на свое отражение в зеркале. То же лицо. Те же черты. Но что-то внутри сломалось, переключилось. Трещина, обнаруженная вчера, теперь прошла через все ее существо, разделив жизнь на «до» и «после».

Если он может, то почему я нет?

Мысль прозвучала не как вопль отчаяния, а как тихий, неумолимый приговор. Она была чудовищной, неприличной, нарушающей все заповеди, вбитые в нее с детства. Но от этого она не становилась менее верной. Она была единственно верной.

Почему она должна быть жертвой? Почему она должна проглатывать обиду, делать вид, что все в порядке, и ждать, сложа руки, пока он развлекается с другой? Нет. Больше нет.

Она вышла из ванной. Игорь стоял посередине спальни, смотрел на свои уже собранные чемоданы с растерянным видом.

«Слушай, – начал он, – может, ты подождешь тут недельку? Я все решу, и мы...»

«Нет», – перебила она его. Голос ее был тихим, но стальным.

Он уставился на нее. «Что „нет“?»

«Я не буду ждать. Я поеду одна».

Воцарилась тишина. Игорь смотрел на нее, не понимая.

«Ты... что? – он попытался усмехнуться, но получилось неубедительно. – Одна? В Азию? Ты с ума сошла?»

«Возможно, – ответила она, подходя к своему чемодану. – Но я еду».

«Наташа, это бред! – его голос снова зазвенел раздражением. – Ты что, не понимаешь? Я не могу отпустить тебя одну в такую даль! Это... это небезопасно! И что я скажу людям? Что моя жена путешествует одна, пока я горбачусь? Это же полный абсурд!»

Она перестала раскладывать вещи и медленно выпрямилась. Она смотрела на него, и в ее взгляде не было ни вызова, ни истерики. Был холодный, безразличный расчет.

«А что ты скажешь людям, когда они спросят, где я? – спросила она мягко. – Скажешь, что твоя жена сидит дома и плачет в подушку, потому что ты снова предпочел ей работу? Или, может, расскажешь другую версию? Ту, что у тебя на уме?»

Он побледнел. «Что ты хочешь этим сказать?»

«Ничего, Игорь. Ровным счетом ничего, – она снова повернулась к чемодану. – Билеты куплены, отель забронирован. Я не собираюсь терять деньги и отпуск из-за твоего „горящего“ проекта. Я поеду. Одна».

Он подошел к ней вплотную, его лицо исказила злоба. «Я не разрешаю!»

Это было ошибкой. Последней каплей. Слово «разрешаю» повисло в воздухе, как пощечина. Она медленно повернула голову и посмотрела на него сверху вниз, хотя он был выше.

«Ты... что? – прошептала она с ледяным изумлением. – Ты мне не разрешаешь? А когда я в последний раз у тебя спрашивала разрешения? Я не твоя собственность, Игорь. И не твоя слуга. Я твоя жена. А жене, если ты не в курсе, не „разрешают“. С ней советуются. Ее уважают. Но тебе, видимо, это неведомо».

Он отшатнулся, словно ее слова были настоящим ударом. Он не ожидал такого. Он ждал слез, упреков, может, даже скандала. Но не этого холодного, безэмоционального бунта. Не этого тихого, неумолимого решения.

«Ты просто мстишь мне, да? – прошипел он. – Из-за этой дурацкой работы?»

Наташа улыбнулась. Это была странная, безрадостная улыбка. «Нет, дорогой. Я не мщу. Я просто принимаю правила твоей игры. Ты поставил работу и все остальное выше нашей поездки. Я просто следую твоему примеру. Я ставлю свой отдых, свое психическое здоровье и свое желание выше твоих запретов и твоего комфорта. Все очень просто».

Она захлопнула чемодан и поволокла его к выходу из спальни. Она чувствовала его взгляд у себя за спиной – растерянный, злой, беспомощный.

«И что я должен делать?» – глухо спросил он.

Она остановилась у двери, не оборачиваясь. «Что хочешь. Работай. Решай свои проблемы. Проводи время с тем, с кем тебе интересно. У тебя теперь есть полная свобода. Ты же этого хотел?»

Она вышла из спальни, оставив его одного в центре комнаты, с его чемоданами, его отменным отпуском и его стремительно рушащимся миром. У нее не было плана. Не было цели. Было только одно – железное, выстраданное решение. Она уезжала. Одна. Это был не побег. Это было наступление. Первый акт тихого, отчаянного бунта против жизни, которую она больше не желала терпеть. Жертва отказывалась приносить себя на алтарь его карьеры и его лжи. И пусть последствия будут какие угодно. Ей было уже все равно.

## ГЛАВА 3

Дорога до аэропорта была похожа на перемещение в вакууме. Они сидели в такси, молча, уставившись в разные окна. Мир за стеклом проплывал мимо, яркий, шумный, абсолютно чужой. Наташа чувствовала каждый камушек под колесами, каждый толчок на кочках, но не как физическое неудобство, а как очередной удар по ее и без того растерзанным нервам. Между ними лежала непроходимая пропасть, заполненная невысказанными словами, подозрениями и той ледяной тишиной, что густела с каждой минутой.

Игорь пытался изображать деловую занятость. Он уткнулся в телефон, его пальцы быстро и нервно стучали по экрану. Он отвечал на рабочие письма, писал в чаты, бросал короткие голосовые сообщения. Вся его поза кричала: «Я очень занятой и важный человек, у меня нет времени на глупости». Но Наташа, украдкой наблюдая за ним, видела иное. Видела, как он украдкой бросает на нее взгляды – быстрые, оценивающие. Он ждал. Ждал, что она взорвется, расплачется, начнет умолять его передумать, устроит сцену прямо в машине. Он готовился к шторму, запасаясь терпением и аргументами.

Но шторма не было. Была лишь полярная ночь в ее душе. Она сидела, положив руки на колени, сжав в пальцах ремешок своей сумочки до побеления костяшек. Внутри все клокотало. Ярость, холодная и острая, как лезвие, резала ее изнутри. Она думала о том, кому он пишет сейчас. Карпову? Или, может, «Анечке»? Сообщает ли он ей, что опасность миновала, что надоевшая жена уезжает, и они наконец-то смогут быть вместе? Каждая клетка ее тела вопила от унижения. Но лицо ее оставалось каменным. Неподвижным. Она научилась этому искусству – искусству прятать бурю за маской равнодушия – за те годы, что он все дальше отдался от нее.

Когда такси наконец затормозило у терминала, она вышла первой, не дожидаясь, пока он откроет ей дверь или поможет с багажом. Она сама вытащила свой чемодан из багажника, ее движения были резкими, отрывистыми.

«Я помогу», – пробурчал Игорь, протягивая руку.

«Не надо», – отрезала она, даже не глядя на него, и направилась к автоматическим дверям.

Он последовал за ней, и она чувствовала его взгляд у себя за спиной – растерянный и раздраженный. Ее непоколебимое спокойствие сводило его с ума. Ему было бы проще, если бы она рыдала или орала. Такую реакцию он понимал. Такую можно было контролировать, успокоить, задавить авторитетом или ложными обещаниями. А это... это молчаливое сопротивление было для него новой, неизведанной территорией, и он не знал, как на нее реагировать.

Внутри аэропорт встретил их гулкой какофонией звуков – объявления дикторов, плач детей, смех, гул голосов. Они прошли к стойке регистрации, и Наташа молча отдала документы. Все происходило как в замедленной съемке. Каждая секунда тянулась мучительно долго.

«Наташа, послушай...» – начал Игорь, когда они отошли от стойки.

Она повернулась к нему, подняв взгляд. Ее глаза встретились с его глазами. И в этот миг, среди всей этой суеты и шума, они на мгновение выдали все, что скрывалось за их масками.

Его глаза. В них она увидела не сожаление, не боль разлуки, не тоску. Она увидела облегчение. Глубокое, животное, почти физиологическое облегчение. Как у человека, который только что избежал серьезной опасности. Он был рад, что она уезжает. Рад, что этот неловкий, напряженный момент прощания скоро останется позади. Рад, что он сможет выдохнуть и заняться тем, что ему действительно важно. Его «работа». Его «Анечка». Его жизнь, в которой для нее не оставалось места.

А ее глаза... ее глаза, она знала, были полны совсем другого. Не слез. Не мольбы. В них была холодная, выверенная, кристаллизовавшаяся ярость. Ярость, которую она копила все эти

месяцы, а может, и годы. Ярость из-за каждого пропущенного ужина, каждого отмененного выходного, каждого формального «люблю тебя», сказанного словно по обязанности. Ярость из-за вчерашней переписки. Ярость из-за этого вот взгляда – взгляда облегчения. Она смотрела на него, и в ее взгляде не было ни капли тепла. Лишь лед и сталь.

Он увидел это. Увидел и отпрянул. Его собственный взгляд дрогнул, на миг в нем мелькнуло что-то похожее на страх, на понимание, что он что-то безвозвратно упустил, переступил какую-то невидимую грань. Но это понимание было мимолетным. Он тут же отмахнулся от него, списав на ее «истеричку», которую она так и не устроила.

«Ну, все... – он произнес, и его голос прозвучал неестественно громко. – Счастливого полета».

Банальность этой фразы резанула слух. «Счастливого полета». Как будто она летела на выходные к подруге, а не уезжала одна в другую часть света после того, как их брак дал трещину.

«Спасибо», – ответила она, и ее голос был ровным, монотонным, как у автомата.

«Ты позвонишь, когда приземлишься?»

«Если будет время. И если связь будет», – сказала она, глядя куда-то мимо его плеча.

Он кивнул, помолчал. Неловкость висела между ними плотной, осязаемой пеленой. Он явно хотел поскорее закончить этот фарс.

«Хорошо, тогда... Береги себя».

«И ты».

Они стояли друг напротив друга, как два актера, забывшие слова в самой важной сцене. Он сделал шаг вперед, собираясь, видимо, обнять ее. Наташа инстинктивно отступила на полшага назад. Его руки повисли в воздухе. Он смущенно опустил их.

«Ладно... – он потрогал пальцами воротник своей куртки. – Я тогда... мне еще в офис надо».

«Конечно, – она кивнула. – Не опоздай. Вдруг опять что-то „срочное“».

В ее голосе прозвучала едва уловимая, но ядовитая нотка. Он ее уловил. Его лицо снова напряглось.

«Наташа, не надо вот этого...»

«Чего? – она подняла на него брови. – Я же искренне желаю тебе успехов в работе. Ты же для нас стараешься, правда?»

Он сглотнул, не находя что ответить. Он понял, что любое его слово будет использовано против него. Любая попытка оправдаться будет выглядеть жалко и фальшиво.

«До свидания, Игорь», – сказала она окончательно, поворачиваясь к нему спиной и направляясь к зоне паспортного контроля.

Она не оглядывалась. Она шла по ярко освещенному коридору, чувствуя его взгляд на своей спине. Он смотрел на нее, и она знала, что в его голове сейчас творится полный разброд. Он думал, что избежал скандала. Думал, что все обошлось малой кровью. Он считал, что ее отъезд – это временная буря, каприз, после которого все вернется на круги своя. Он верил, что она остынет там, на курорте, соскучится и вернется с повинной головой, готовая простить и забыть.

Вот она, главная ирония их прощания. Он стоял там, в самом сердце шумного аэропорта, и чувствовал себя победителем. Он уладил конфликт без криков и слез. Он сохранил лицо. Он получил свою свободу.

А она шла по этому коридору, и с каждым шагом чувствовала, как что-то внутри нее окончательно ломается, каменеет и умирает. Его взгляд облегчения стал той самой точкой, тем самым моментом, после которого возврата уже не было. Он не просто отменил их отпуск. Он отменил их будущее. Он своим поведением, своей ложью, своим вот этим наглым, нескрыва-

емым облегчением подтолкнул ее к краю. И она шагнула. Не в пропасть. Нет. Она шагнула прочь. Прочь от него, от их лживой жизни, от всего, что она когда-то считала своим.

Она прошла паспортный контроль, не оборачиваясь. Когда она оказалась в стерильной зоне, она на мгновение остановилась, прислонившись спиной к холодной стене. Только сейчас, когда он исчез из поля зрения, она позволила себе выдохнуть. Дрожь, которую она сдерживала все это время, пробежала по ее телу. Она сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

Она подошла к огромному окну, выходящему на взлетное поле. Самолеты, похожие на огромных серебристых птиц, взлетали и садились, унося людей в другие жизни. Скоро и ее унесет один из них.

Она увидела его внизу. Он вышел из здания терминала и быстрыми, решительными шагами направился к стоянке такси. Он не оглядывался на здание аэропорта. Не смотрел вверх, на окна, за которыми, возможно, стояла она. Он просто шел. Шел к своей машине, к своей работе, к своей другой жизни. Его фигура становилась все меньше и меньше, пока совсем не растворилась в толпе.

И в этот момент Наташа поняла, что он для нее больше не существует. Тот Игорь, которого она любила, с которым строила планы, с которым делила постель и жизнь, – того человека больше не было. Остался только незнакомец, который причинил ей невыносимую боль.

Холодная ярость внутри нее снова поднялась, но теперь в ней не было места отчаянию. Была лишь твердая, неумолимая решимость. Он думал, что отправил ее в отпуск? Нет. Он выпустил джинна из бутылки. Он дал ей свободу, о которой сам не подозревал.

Она повернулась от окна и пошла к своему выходу. Походка ее была твердой, взгляд – прямым. Точка невозврата была пройдена. Зеркало разбилось. Теперь предстояло идти по осколкам. И она была готова. Готова идти, не оглядываясь.

## ГЛАВА 4

Самолет, вырвавшийся из московской хмари и слякоти, приземлился в ином мире. Мире, где воздух был не просто теплым, а густым, обволакивающим, словно жидкий мед. Он был насыщен ароматами, от которых кружилась голова: сладковатый дымок благовоний, пряная пыль дорог, соленый дыхание океана, доносившийся даже сюда, до зала прилета. Все здесь было ярким, кричащим, почти агрессивным в своей жизнерадостности. Ярко-зеленые листья гигантских растений, алые и белые цветы, ослепительно белые стены отеля, синее, до боли в глазах, небо.

Наташа вышла из такси у ворот курорта, и эта какофония красок и запахов обрушилась на нее, как удар. Она стояла с чемоданом, чувствуя себя серым, безликим пятном на этом празднике жизни. Ее темные очки скрывали глаза, опухшие не от слез – слез не было, – а от бессонной ночи в самолете и тяжелого, липкого груза мыслей.

Их номер-бунгало был именно таким, каким она его представляла по фотографиям в интернете. Просторный, с высоким потолком из темного дерева, с огромной кроватью под пологом из тюля, выходящий через раздвижные стеклянные двери на собственную террасу с бассейном и видом на кокосовые пальмы, склонившиеся к бирюзовой лагуне. Идеальная картинка для идеального медового месяца. Картинка, в которой теперь была лишь одна она.

Она оставила чемодан посреди комнаты и вышла на террасу. Солнце припекало мгновенно, заставляя ее щуриться даже сквозь темные стекла очков. Где-то щебетали невидимые птицы, шелестели на ветру листья, доносился приглушенный смех с соседних вилл. Было красиво. Слишком красиво. И от этой красоты становилось невыносимо тошно.

Первый день прошел в попытках обустроиться и побороть джетлаг. Она разложила вещи, повесила платья в шифоньер, расставила косметику в ванной. Каждое движение было механическим, лишённым смысла. Она заставляла себя действовать, потому что знала – если остановится, ее накроет волна того самого одиночества, которое она привезла с собой в качестве ручной клади.

Вечером она пошла ужинать в главный ресторан отеля. И именно там, среди столиков, заставленных свечами в стеклянных колбах, ее впервые накрыло по-настоящему.

Она сидела за столиком на двоих, против нее пустовал стул. Официант, улыбаясь, спросил: «Ждете кого-то, мадам?» Она покачала головой, и его улыбка стала чуть менее яркой, в глазах мелькнуло что-то похожее на жалость. Жалость к одинокой женщине в романтическом месте.

И вот тогда она начала смотреть. Смотреть по-настоящему.

За соседним столиком молодая парочка, ей на вид лет двадцать. Он кормил ее кусочком манго, она смеялась, зажмурившись, и сок тек у нее по подбородку. Он вытер его пальцем, а потом облизал его, и они оба снова рассмеялись. Глупо, инфантильно, но в их смехе была такая искренность, такая легкость, от которой у Наташи свело живот.

Чуть дальше сидела пара постарше. Они не держались за руки, не кормили друг друга. Они просто разговаривали. Наклонившись друг к другу, глядя в глаза. И по тому, как она слушала, слегка склонив голову набок, а он водил пальцем по краю бокала, было видно – они слышат друг друга. По-настоящему. Они находятся здесь и сейчас, вместе.

А она была одна. С пустым стулом напротив. С телефоном, лежащим рядом с тарелкой, как укор. Ей подали еду – какую-то изысканную рыбу с местными травами. Она взяла вилку, отломил кусочек, поднесла ко рту. И не почувствовала никакого вкуса. Во рту был лишь пепел. Пепел от сгоревших надежд, от сгоревшего брака.

Она смотрела на эти пары, и ее обида, которую она привезла с собой замороженным комом в груди, начала оттаивать. Но не превращаясь в воду, а в нечто иное. Она начинала

бродить, ферментироваться, как плохое вино, превращаясь в нечто крепкое, ядовитое, одурманивающее.

Вот они, счастливые, – думала она, безвкусно пережевывая рыбу. – У них все хорошо. Они любят, их любят. А я что? Я сижу здесь, как дура, одна в этом проклятом раю, пока мой муж...

Мысль обрывалась, не желая договаривать. Но картинки возникали сами. Игорь и Аня. В московском ресторане. Не в таком романтичном, конечно. Где-нибудь пафосном, с видом на Кремль. Они сидят, пьют вино. Он рассказывает ей анекдоты, она смеется, закинув голову. А потом они едут к нему в офис. Или, может, к ней домой...

Нож вошел в тарелку с таким усилием, что заскрежетал по фарфору. Пара напротив на секунду прервала свой разговор и удивленно посмотрела на нее. Наташа опустила голову, чувствуя, как по щекам разливается краска стыда и злости.

Она заплатила по счету и ушла, так и не доев блюдо. Она шла по освещенным дорожкам курорта, и каждый ее шаг отдавался в душе эхом. Она проходила мимо баров, где парочки сидели, прижавшись друг к другу, наслаждаясь коктейлями и закатом. Мимо бассейна, где влюбленные, обнявшись, стояли по грудь в воде и целовались, не обращая внимания ни на кого вокруг.

Ее одиночество стало физическим. Осязаемым. Оно висело на ней тяжелым плащом, не давало дышать. Оно кричало на каждом углу: «Смотри! Все не так, как у тебя! Ты одна! Ты никому не нужна!»

Она вернулась в свой бунгало, захлопнула за собой дверь и прислонилась к ней, закрыв глаза. Тишина. Такая оглушительная после шума ресторана и дорожек. Лишь стрекот цикад за окном. Она осталась с собой наедине. Со своим ядом.

И тут ее взгляд упал на телефон. Он лежал на кровати, темный, безмолвный. Экран не светился.

Игорь. Он должен был позвонить. Должен был написать. Спросить, долетела ли, как устроилась, все ли хорошо. Это же элементарно. Это делает любой нормальный муж, даже если они в ссоре. Особенно если они в ссоре!

Она взяла телефон в руки. Он был холодным и безразличным. Ни одного сообщения. Ни одного пропущенного звонка.

И тогда в ней проснулось то самое, едкое, опасное чувство – желание проверить. Проверить его. Проверить их отношения на прочность, которая, как она подозревала, уже равна нулю.

Она положила телефон обратно. Нет. Она не напишет первая. Не позвонит. Она не будет этой самой «ждущей жены», которая ноет и требует внимания. Если ему не интересно, как она, значит, так тому и быть. Она посмотрит, сколько это продлится. Сколько времени должно пройти, чтобы он вспомнил о ее существовании.

Первый день прошел в тягучем ожидании. Она плавала в бассейне, загорала на шезлонге, пыталась читать книгу, но слова расплывались перед глазами. Ее мысли постоянно возвращались к телефону. А вдруг он звонил, а она не слышала? Может, связь плохая? Она брала аппарат, проверяла – нет, все в порядке. Полная тишина.

К вечеру второго дня ее ярость стала замещаться чем-то другим – леденящим душу пониманием. А что, если он и не собирался звонить? Что, если он так рад своей свободе, что выкинул ее из головы, как надоевшую игрушку?

Она сидела на террасе, смотрела на звезды, такие яркие и чужие в этом южном небе, и пила вино прямо из бутылки. Этикетка обещала ноты персика и диких цветов. Она чувствовала лишь горечь.

И вот, когда она уже почти смирилась с мыслью, что он забыл о ней навсегда, телефон наконец-то завибрировал. Резко, неожиданно, заставив ее вздрогнуть и чуть не выронить бутылку.

Сердце на мгновение замерло, а затем заколотилось с бешеной силой. Она посмотрела на экран. «Игорь».

Она ждала этого звонка почти двое суток. Ждала с таким напряжением, что все мышцы свело. И теперь, глядя на это имя, она не чувствовала радости или облегчения. Лишь холодную, тяжелую пустоту и щемящую боль где-то под сердцем.

Она сделала глубокий глоток вина прямо из горлышка, дала телефону прозвенеть еще несколько раз, собираясь с мыслями, с силами. Потом медленно, с расстановкой, провела пальцем по экрану.

«Алло», – сказала она. Ее голос прозвучал ровно, безэмоционально, как у секретаря на приемной.

На той стороне на секунду воцарилась тишина, будто он не ожидал, что она возьмет трубку.

«Наташа. Привет».

Его голос. Знакомый, родной, тот самый, от которого когда-то перехватывало дыхание. Сейчас он звучал отчужденно, издалека. И в нем не было ни тревоги, ни тепла.

«Привет», – ответила она.

«Ну как ты? Долетела нормально?» – спросил он. Фразы были правильными, как из разговорника для вежливых супругов.

«Да, нормально».

«Устроилась? Номер хороший?»

«Да, все соответствует фото».

Неловкая пауза. Она слышала, как на его фоне что-то шумит – может, телевизор, а может, офисный гул. Он не был дома.

«Хорошо, что все хорошо», – сказал он, и в его голосе прозвучала явная поспешность. Он хотел поскорее закончить этот разговор. Исполнить неприятную обязанность и снять ее с себя.

Еще одна пауза, еще более тягостная.

«Ладно, я тогда... у меня тут дела... Не скучай».

Не скучай. Эта фраза прозвучала как насмешка. Как плевок в душу.

«Хорошо, – сказала она, и ее голос наконец дрогнул, выдав внутреннее напряжение. – Удачи с твоими... делами».

Она положила трубку, не дожидаясь его ответа. Разговор длился меньше минуты. Он даже не спросил, что она ела, как погода, понравилось ли ей море. Ничего. Формальность. Отчитался и свободен.

Она сидела еще с полчаса, глядя в темноту за пределами террасы, и допила бутылку вина до дна. Яд одиночества, который до этого лишь бродил в ней, теперь кристаллизовался. Превратился в нечто твердое, острое и очень опасное.

Он ее проверял? Или она проверяла его? Неважно. Результат был налицо. Ему было все равно. Абсолютно.

Она встала, пошла в комнату и снова посмотрела на телефон. Теперь он был ей не нужен. Теперь она знала все, что хотела знать. Ее обида, ее унижение, ее боль – все это, прошедшее процесс ферментации, стало топливом. Топливом для чего-то нового. Для какого-то решения, которое медленно, но верно начинало вызревать в самой глубине ее души, там, где раньше была любовь к нему.

Она была одна. По-настоящему. И этот яд одиночества был теперь ее единственным спутником. И она поняла, что должна научиться жить с ним. Или найти противоядие. Любой ценой.

## ГЛАВА 5

Утро началось с огня. Не с ласковых солнечных лучей, пробивающихся сквозь листву, а с внутреннего пожара, который жёг её изнутри. Тот короткий, формальный звонок Игоря вчера вечером стал последней каплей, переполнившей чашу её терпения. Вернее, не чашу, а бочку с горючей смесью из обиды, ярости и унижения.

Она не спала почти всю ночь. Ворочалась на огромной кровати, которая казалась ей теперь не ложем для страсти или отдыха, а местом пытки. Простыни были холодными, подушки – мокрыми от слёз, которые наконец-то прорвались наружу. Но это были не слёзы жалости к себе. Это были слёзы гнева. Бессильного, разрушительного гнева, который не находил выхода.

Она встала с рассветом, её голова гудела, а глаза были красными и опухшими. Она подошла к мини-бару, достала маленькую бутылку виски, оставшуюся со вчерашнего вечера, и сделала большой глоток. Алкоголь обжёг горло, но не принёс облегчения, лишь подлил масла в огонь.

Она стояла перед зеркалом в ванной и смотрела на своё отражение. Измождённое лицо, синяки под глазами. «Жалкое зрелище, – прошипела она сама себе. – Именно таким он тебя и хочет видеть. Униженной, несчастной, сидящей и ждущей его милости».

Но она больше не хотела быть жалкой. Не хотела быть жертвой. Яд одиночества, который она в себе взрастила, требовал противоядия. Или, может, не противоядия, а такого же яда, способного отравить и его, Игоря, там, в его далёкой, благополучной жизни.

Она приняла душ – почти ледяной, чтобы стряхнуть с себя оцепенение. Потом надела не свой привычный скромный купальник, а тот самый чёрный бикини, который Игорь когда-то назвал «слишком откровенным» и «привлекающим ненужное внимание». Он лежал на дне чемодана безотказным оружием, которым она никогда не решалась воспользоваться. Теперь пришло время.

Она нанесла макияж тщательнее, чем обычно. Подвела глаза, чтобы скрыть следы бессонницы, наложила тушь, яркую помаду. Она смотрела на себя и не узнавала. В отражении была не Наташа, преданная жена. Это была другая женщина. Холодная, решительная, с глазами, полными вызова.

Она вышла к бассейну, выбрав шезлонг не в тени, как обычно, а на самом солнцепёке, на виду. Она расстелила полотенце, легла и закрыла глаза, будто дремля. Но всё её существо было напряжено, как струна. Она чувствовала на себе взгляды. Мужские взгляды. Она была здесь одна, красивая, ухоженная женщина в откровенном купальнике. Она была мишенью. И впервые за долгое время это чувство не вызывало у неё дискомфорта. Наоборот. Оно согревало её ледяную душу. Она была заметна. Она существовала.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.